

РЕЦЕНЗИИ "ЦИРКА ОДИССЕЯ"

1996 №6

отношения между людьми были как бы частью общего космического миропорядка, чем-то, находившимся под юрисдикцией жрецов/священников. Этот концепт служил для регулирования сексуальных проявлений. Романтическая любовь также сохранила определенную связь с "высшим порядком вещей", но у нее возникает новая черта - открытое будущее.

Появление романтической любви следует рассматривать в контексте очень важных перемен в положении женщины, произошедших в Европе к XVIII веку: появление "дома" как сферы частной жизни; существенное изменение отношений между родителями и детьми, которое Гидденс изъято обозначает как "изобретение материнства" (именно к этому историческому периоду относится идеализация образа матери - не биологического, а социального). Образ активной "жены и матери" стал основой "двуполой модели" человеческой деятельности. Женщины были признаны "особами", "непознаваемыми" существами, которые, к тому же, контролировали особую социальную сферу, чего не могли делать мужчины. "Материнство" и "женственность" стали осознаваться как личностные черты.

Романтическая любовь стала женским делом, достоянием женщин. Это был именно "женский способ" контролировать свое будущее. Женщины стали первыми носителями качества "интимности". Связь между любовью и браком становится для женщин необходимой ценностью.

Постепенно отношения между супружами стали отделяться от других аспектов организации семьи и даже получили перед ними определенный приоритет. И тогда же на повестку дня вышла "интимность" - особая степень близости, новая сторона отношений между мужчиной и женщиной. Один человек как бы восполняет для другого тот недостаток, ту потерю, которую он и не ощущал до начала любовных отношений. И это чувство "недостачи" тесно связано с самоидентификацией, в каком-то смысле, "расколотый" индивидуум становится целостным. Таким образом, поиск любимого человека означает попытку утвердить свою самоидентификацию с помощью открытия "другого". Завоевывание сердца другого представляет собой процесс создания "рассказа", общей для двух людей биографии.

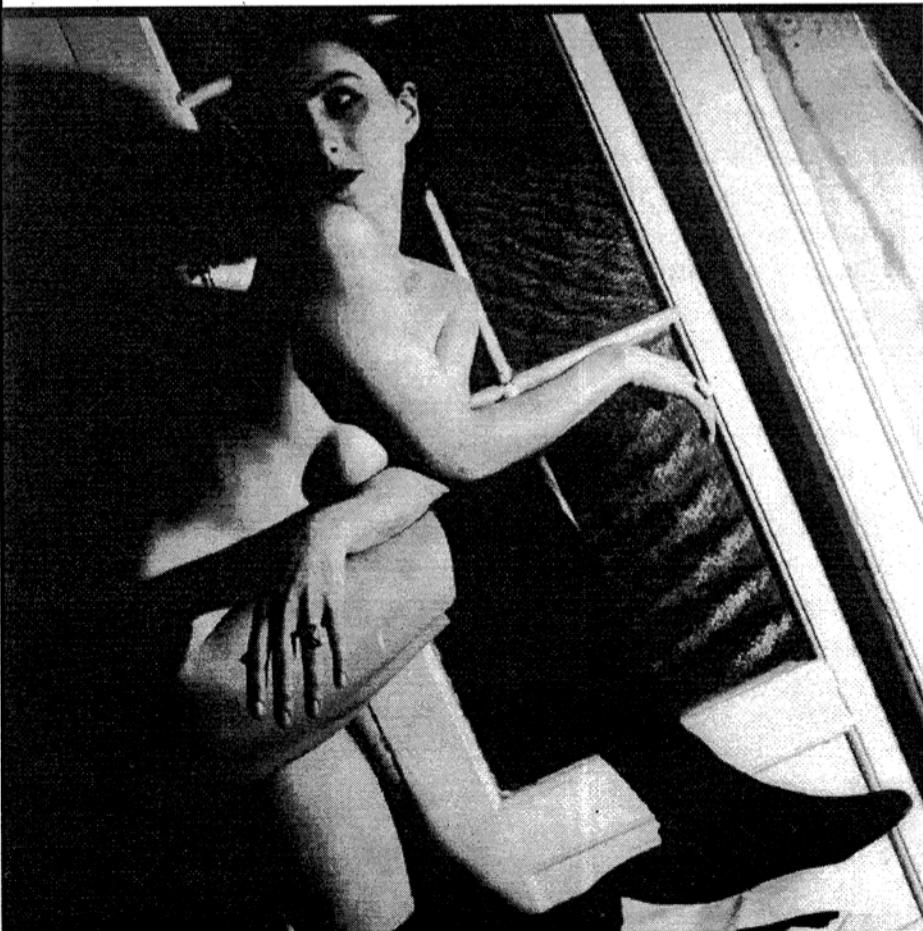
Романтическая любовь - по сути, поиск самого себя, попытка ответить на вопрос "кто я?", найдя свое отражение в другом человеке.

Что же касается мужчин, то они долгое время были исключены из процесса формирования романтической любви как ценности. Для мужчин процесс "возникновения интимности" шел гораздо медленнее. "Любовь" для них была теснее всего связана с понятием " страсть ", amour passion .

Итак, если исторически для мужчин любовь была "просто любовью", то для женщин - способом организации будущего. Однако в последние десятилетия ситуация сильно изменилась. Теперь для обоих полов решающую роль стала играть ценность отношений как таковых" - скорее, чем ценность брака.

Другая проблема мужчин - это патриархатная гендерная социализация. Мужчинам необходимо иметь высокий статус среди других мужчин, подтвержденный материальным вознаграждением, и причастность к ритуально выраженной мужской солидарности. Но в этом смысле они "промахиваются", не попадая в одну из важнейших траекторий развития современности. Саморефлексия, в том виде, в каком она сформировалась у современного человека, предполагает с необходимостью эмоциональную реконструкцию прошлого в виде связного рассказа, продолжение которого направлено в будущее. То есть, мужчины тоже нуждаются в женщинах для самоидентификации, хотя и не всегда рефлексируют эту потребность.

Что из себя представляет традиционное "мужское мировоззрение"? Гидденс считает, что его определяют:

Мария Снигиревская. Без названия, 1993г.

потребность в доминировании над другими мужчинами в сфере общественной жизни; двойной стандарт (что допустимо для мужчины, неприемлемо для женщины); разделение женщин на "чистых" (на которых можно жениться) и "нечистых" (проституток, содержанок, ведьм); понимание половых различий как священных и незыблемых; представление о женщинах, как существах иррациональных, с неясными желаниями и действиями (женщина как проблема) и разделение труда по признаку пола.

Романтическая любовь все еще мирно сосуществовала с этим "кодексом нравов". Но возникновение и относительно массовое распространение любви-привязанности, или "слиянной любви" (confluent love) связано с определенным разрывом с романтической традицией. Новый тип отношений предполагает, что эти самые отношения становятся в центр ситуации, причем, они ценятся даже выше, чем сам субъект, с которым они связаны. Косвенным последствием этого становится то, что, в отличие от романтической любви, любовь-привязанность не обязательно моногамна. Верность в смысле сексуальных отношений исключительно с любимым соблюдается лишь постольку, поскольку она кажется желательной или существенной для их участников (а не сама собой разумеется).

Другое важное отличие любви-привязанности от романтической любви - она не обязательно гетеросексуальна. Для этого вида любви центральное значение имеет хорошее знание особенностей и личных черт партнера. Эта любовь, в отличие от романтической, не имеет готового сценария. Когда значительная область человеческой жизни не регулируется уже предыдущими образцами и традициями, человек вынужден все время считаться со стилем жизни своего партнера. Более того, особенности стиля жизни имеют уже не побочное, но первостепенное значение, определяя, с кем человек имеет дело. Другими словами, эти детали стиля жизни становятся теми "кирпичиками", из которых складывается саморефлексия, "рассказ о себе". Так, в случае серьезных личностных проблем, одним из основных методов современной психотерапии является "переписывание" этого рассказа. И это равноправные отношения, равенство имеет для них такое же принципиальное значение, как способность к коммуникации. Преодолевается как экономическая бедность женщин, так и эмоциональная бедность мужчин. Особое значение эта новая форма отношений имеет для женщин: они протестуют и решительно разрывают со своей принадлежностью к "домашней сфере", с теми ограничениями, которые она накладывает на саморазвитие. Мужчина же оказывается в куда более невыгодной позиции: он все еще прикован к роли "кормильца семьи", хотя такое положение уже отвергается многими женщинами, полагающими, что мужчина не является представителем "сильного пола" - он меньше живет и более подвержен нервным и сердечно-сосудистым заболеваниям.

"Беда" мужчин заключается в том, что они в гораздо большей степени "зомби", пленники своих социальных ролей.

В то же время любовь-привязанность отнюдь не является идеально-безоблачным состоянием, ей сопутствуют серьезные проблемы, на которых Гидденс делает особый акцент. Прежде всего, это отношения очень хрупкие - они достаточно легко распадаются, так как не подкреплены никакими институциональными, традиционными и прочими установлениями. Может быть и противоположный случай - привязанность может превратиться в серьезную зависимость, сходную по своим проявлениям с наркотической зависимостью или алкоголизмом. "Привязанность как зависимость" в терминах саморефлексии является ситуацией, противоположной выбору. Чаще всего "фиксированные" на другом отношения предполагают разделение ролей, как правило - на традиционные гендерные роли превосходства и подчинения. Роль "привязанного" считается классической женской ролью.

Таким образом, даже торжество "слиянной любви" и "собственно отношений" не означает автоматического освобождения из клетки половой идентичности. Но Гидденс сохраняет по этому поводу оптимизм: заключительная глава "Трансформации интимности" называется "Интимность как демократия". Выводы автора вполне "политически корректны": "Демократизация частной сферы сегодня не просто находится на повестке дня, но является необходимым подразумеваемым качеством личной жизни, развивающейся в русле отношений как самоценности".

В противоположность " власти над жизнью" (biopower), о которой столько писал Фуко, Гидденс предлагает "политику жизни" (life politics), которую следует поддерживать всем "прогрессивным политическим силам и вообще людям доброй воли".

Чем же, по Гидденсу, должна являться "политика жизни"? Это, по сути своей, политика жизненных стилей, в том виде, в котором они поддаются рефлексии со стороны социальных институтов. Она должна быть направлена не на "политизацию" стилей жизни в узком смысле этого слова, но на их моральное переосмысление - точнее говоря, на вынесение на поверхность тех моральных и экзистенциальных проблем, которые оказались вытеснены из повседневной жизни в результате ее "приватизации" и отсутствия общих критериев. Это круг вопросов, в равной мере затрагивающий абстрактную философию, этические идеи и очень практические стороны жизни. Гуманистический пафос, которым пропитан финал, оставляет на душе очень приятное впечатление - книга, слава Богу, имеет хороший конец. Как, собственно, и полагается книге "про любовь".

Ирина Тартаковская